

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА к А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Публикация Э. С. Литвин

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) — писатель, литературный и театральный критик. Его рассказы и повести («Черный ворон», «Рыбье слово», «В бурсе» и др.), как и книга его «Стихотворений» (СПб., 1905) не поднимаются выше среднего уровня современной ему натуралистической беллетристики и эпигонской поэзии. Литературную известность принесли ему критические статьи, заметки, рецензии, фельетоны, постоянно печатавшиеся в газете «Биржевые ведомости» и в приложениях к ней — журналах «Новое слово», «Новая иллюстрация». С 1898 по 1916 г. Измайлов заведовал литературно-критическим отделом этой газеты.

Свои статьи и фельетоны Измайлов объединил затем в сборниках «На переломе. Литературные размышления» (СПб., 1908), «Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе» (М., 1910), «Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (М., 1913).

Большую популярность приобрели меткие литературные пародии Измайлова на писателей-современников, составившие сборники «Кривое зеркало» (СПб., 1908) и «Осиновый кол» (Пг., 1915).

Особое место в деятельности Измайлова занимала книга «Чехов» (М., 1916), в которой он выступил как биограф и исследователь творчества писателя, собравший богатый фактический материал.

После Великой Октябрьской революции Измайлов вел большую культурно-просветительную работу, выступая с лекциями о русской литературе в рабочих и красноармейских аудиториях, и продолжал писать давно задуманную книгу о Лескове, которая, однако, осталась незавершенной.

Критика и публицистика начала XX в. представляла собой арену необычайно острой и напряженной борьбы литературных течений, исследовательских методов, политических воззрений. Зарождалась подлинно марксистская критика, противостоящая народническим традициям, поэзи-

ции легального марксизма и литературно-общественным воззрениям декадентско-символистского лагеря. Измайлов стремился занять особое место в литературной современности, всячески подчеркивая свою непричастность к этой борьбе: «Я — свой. Мои взгляды на литературу, мое освещение авторов не диктовано ни эс-декскими, ни кадетскими, ни какими-либо иными политическими представлениями. Я совершенно не понимаю, как эта область может соприкоснуться с областью свободного творческого суждения».¹ В соответствии с подобной декларацией задачу критика Измайлов видел в том, чтобы «напомнить основания вечной красоты».²

Однако этот расплывчатый эстетизм и подчеркнутая «надпартийность» вовсе не были чем-то исключительным в критике 900-х годов. Тенденция «освобождения» литературы от общественности и подчинения ее некоему идеалу «вечной красоты» ярко выражена в выступлениях Ю. А. Айхенвальда, Н. Я. Абрамовича, начинающего Корнея Чуковского. Субъективизм суждений, идеалистическое представление об искусстве как «самовыражении» личности художника сближали Измайлова с импрессионистической критикой эпохи.

Вместе с тем при известной общности исходных позиций заметки и фельетоны Измайлова существенно отличались своей направленностью от работ таких критиков-импрессионистов, как Айхенвальд или Абрамович, которые философски обосновывали свою методологию и претендовали на выдвижение новых историко-литературных концепций.

Определяя основные линии развития русской критики от 90-х годов XIX в. до 1917 г., Г. М. Фридендер пишет: «Характерной чертой буржуазной печати 900-х годов было то, что <...> в ней появляется тип критика-фельетониста, тесно связанного с газетой, работающего с сознательным учетом „злобы дня“ и интересов широкой публики, пишущего свои статьи в хлесткой, остроумной манере <...> К числу таких критиков-фельетонистов принадлежал А. А. Измайлов, а также молодой К. И. Чуковский <...> Нередко деятельность критиков-фельетонистов имела откровенно бульварный характер (П. Пильский) <...> Измайлов сам очень метко охарактеризовал обычный жанр своих критических выступлений, дав одному из своих очерков подзаголовок „беллетристический репортаж“».³

В подобной беллетризованной форме, соединяя критические оценки с анекдотами, парадоксами, бытовыми мелочами, пародийными вставками, Измайлов оперативно откликался на события литературной жизни. В течение многих лет он приобщал к литературе весьма от нее далеких читателей так называемой «Биржевки» — газеты откровенно коммерческой, заполненной судебными сенсациями и рекламными объявлениями, и это приобщение, несомненно, явилось положительной стороной деятельности критика-фельетониста.

Многие наблюдения Измайлова над особенностями творчества того или иного писателя, над его стилем и складом его личности верны и

¹ Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910, с. VII.

² Там же, с. IV.

³ История русской критики, т. II. М.—Л., 1958, с. 425—426.

метко выражены. Так, он писал о «жизнелюбии» Куприна;⁴ он остро подметил несостоятельность проповеди Мережковского, который, по его словам, «таскает с собой бога по книгам, газетным фельетонам, публичным лекциям».⁵ Измайлов выступал в защиту Леонида Андреева от газетных вымыслов и сплетен.⁶

К числу литературных заслуг Измайлова следует отнести и его выступления против мистицизма и претенциозности декадентов, против увлечения вопросами пола, а также его явные симпатии к творчеству художников-реалистов — Чехова, Короленко, Куприна.

В то же время иллюзии «надпартийности», субъективизм эстетических оценок, погоня за сенсацией сплошь и рядом приводили Измайлова к поверхностности анализа и ошибочным выводам. Так, пьесу Блока «Незнакомка» он назвал «голубой чепухой»;⁷ сюжет драмы Горького «Враги» посчитал «обыкновенным случаем современной хроники», а образы интеллигентов в ней — доказательством злобной вражды автора к героической русской интеллигенции.⁸ Остроумие критика-фельетониста превращалось в издевательство, когда он рассматривал «Сборники товарищества „Знание“» в очерке с хлестким заглавием «Творчество под барабан».⁹

Но по отношению к Брюсову Измайлов оказался внимательным и чутким критиком, хотя далеко не со всеми его оценками можно безоговорочно согласиться. Еще в 1903 г. в рецензии на альманах «Северные цветы», который он в целом высмеял как «пустопорочное место», где «господа декаденты танцуют второй десяток лет», Измайлов выделил стихотворение Брюсова «Habet illa in alvo» за глубину мысли, звучность стиха и смелость темы.¹⁰ За этим отзывом последовали многочисленные рецензии на книги стихов Брюсова «Urbi et Orbi», «Зеркало теней», на его романы «Огненный ангел» и «Алтарь Победы», на переводы из Верлена, Д'Аннунцио.¹¹

Не менее многочисленны отзывы о Брюсове в статьях и фельетонах Измайлова, вошедших в его сборники. Одним из первых он отметил отход Брюсова от декадентской претенциозности, появление в его стихах образцов живой действительности, воздействие на Брюсова великой классической традиции. «Самый интересный боец модернистского лагеря, с каж-

⁴ Измайлов А. Песни о земной радости. Куприн и его сочинения. — Новое слово, 1910, № 4, с. 49—53.

⁵ Измайлов А. Возрождение пророков. (Мережковский и богоискательство). — Новое слово, 1910, № 6, с. 94—97.

⁶ Измайлов А. Первые шаги Леонида Андреева. — Новое слово, 1910, № 1, с. 97—101.

⁷ Измайлов А. На переломе. Литературные размышления. СПб., 1908, с. 51.

⁸ Измайлов А. Новости литературы. — Пробуждение, 1911, № 7, с. 192.

⁹ Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры, с. 56—68.

¹⁰ Измайлов А. Литературные мелочи. — Биржевые ведомости, 1903, № 419, 25 августа, с. 2.

¹¹ См.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова. Ереван, 1976, с. 250, 255, 262, 269, 280, 284.

дым годом все более освобождающийся от декадентских вычуров, возвращающийся к ясному и трезвому реальному искусству и бесспорно очень талантливый»,¹² — писал критик о Брюсове в 1908 г.

Измайлов отмечал и неприемлемые для него черты поэзии Брюсова: чрезмерный эротизм «Баллад», претензии на роль пророка в стихах о назначении поэта, демоническое «сверхчеловечество», свойственное всем декадентам. Не всегда его упреки были справедливы. Так, безусловно, ошибочен отзыв о цикле «Мой песенник», который Измайлов объявил «грубой подделкой» под частушки, под пошлые и безвкусные «создания фабрики и портерной».¹³

Постоянно недооценивал Измайлов историческую прозу Брюсова, не выделяя ее из потока стилизаторской литературы тех лет. Принадлежащие ему характеристики «Огненного ангела» и «Алтаря Победы» весьма поверхностны. Фантастические эффекты «Огненного ангела», по его мнению, ушли ничуть не дальше эффектов Гофмана и Матюрена,¹⁴ а в сюжете «Алтаря Победы» он не находил ничего нового по сравнению с повестями об античном мире Сенкевича и Бульвер-Литтона.¹⁵

Наиболее полную положительную оценку личности и творчества Брюсова Измайлов дал в статье «У врат горького познания. (В. Брюсов и его поэзия)»¹⁶ и в интервью «У Валерия Брюсова».¹⁷ Объединенные под общим заголовком «Валерий Брюсов», эти статьи вошли в сборник Измайлова «Литературный Олимп».¹⁸

Знакомство Измайлова с Брюсовым произошло в дни гоголевского юбилея в Москве.¹⁹ Это подтверждает надпись, сделанная Измайловым на подаренной Брюсову книге «Помрачение божков и новые кумиры»: «Искренне уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память об авторе, всегда благодарном светлому дню гоголевской памяти, нас соприкоснувшему. СПб., 1909, 5 октября».²⁰

¹² Измайлов А. На переломе, с. 22.

¹³ Измайлов А. Литературные заметки. — Новая иллюстрация, 1903, № 47, с. 374—375.

¹⁴ Измайлов А. На переломе, с. 22.

¹⁵ Измайлов А. Хрестоматия новой литературы. Римская повесть В. Брюсова «Алтарь Победы» и Амвросий Медиоланский в новом освещении. — Новое слово, 1912, № 1, с. 116.

¹⁶ Новое слово, 1910, № 5, с. 46—49.

¹⁷ Биржевые ведомости, 1910, № 11628, 23 марта, с. 2; № 11631, 25 марта, с. 2.

¹⁸ «Объединение этих двух фельетонов будет в книге моей о новейшей литературе — „Помрачение божков“, сейчас печатаемой Сытнимым», — писал Измайлов Брюсову (ГБЛ, ф. 386, карт. 85, № 14—15, л. 1). Судя по содержанию, письмо относится к осени 1909 г. На самом деле объединение статьи о Брюсове с интервью состоялось только в следующей книге Измайлова — «Литературный Олимп» (М., 1911, с. 373—396), причем интервью «У Валерия Брюсова» получило название «В старом доме на Цветном бульваре».

¹⁹ См.: Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 142.

²⁰ Библиотека Брюсова находится в ГБЛ. Следует отметить, что на титульном листе книги Измайлова указан 1910 г., однако появилась она в продаже в конце 1909 г.

Вскоре после этого знакомства Измайлов завязал переписку с Брюсовым: «Еще раз выражаю мою радость по поводу моего знакомства с Вами», — писал он в первом своем письме. В следующем письме Измайлов просил Брюсова о встрече и о беседе. Очевидно, после этого он посетил поэта и взял у него просимое интервью. Но знакомство не привело к дружеской близости, и отношения между ними определялись чисто литературными интересами.

В архиве Измайлова сохранились 33 письма Брюсова 1910—1916 гг. (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 44), в архиве Брюсова — 32 письма Измайлова 1909—1917 гг. (ГБЛ, ф. 386, карт. 88, № 14—15). Письма Брюсова хронологически распадаются на два цикла: 1910—1911 гг. (8 писем) и 1914—1916 гг. (25 писем).

За время трехлетнего перерыва только однажды Брюсов и Измайлов обменялись письмами: 30 декабря 1913 г. Измайлов просил Брюсова принять участие в третейском суде, который должен был состояться в Москве между ним и сыном Вс. Крестовского — Вл. В. Крестовским в связи с тем, что Измайлов вновь поднял вопрос о плагиате автора «Петербургских грощов», доказывая, что целый ряд глав романа заимствован им у Помяловского.²¹ На это письмо Брюсов ответил 12 января 1914 г. открыткой из санатория доктора Максимовича близ Риги. Выразив согласие с точкой зрения Измайлова, Брюсов, однако, отказался от его «лестного предложения», сославшись на плохое состояние здоровья.²²

В январе 1912 г. «Биржевые ведомости» поместили несколько стихотворений Брюсова, но в 1913—1914 гг. он в этой газете не печатался.²³

Переписка возобновилась и стала активной в 1915 г., когда Брюсов находился в Варшаве в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей».

Различна тематика писем Брюсова 1910—1911 и 1915—1916 гг. В более ранних письмах поэт в основном откликался на статьи и книги Измайлова о его творчестве и делился с ним некоторыми замыслами будущих работ. В письмах 1915—1916 гг. преобладает вопрос о сотрудничестве Брюсова в «Биржевых ведомостях». Измайлов был крайне заинтересован в публикации произведений Брюсова, завоевавшего к началу 1910-х годов полное признание в литературе. Все, что присылал Брюсов в ответ на настойчиво повторявшиеся просьбы Измайлова от имени редакции газеты (большинство писем Измайлова 1915—1916 гг. — редакционные стандартные бланки с его подписью и краткими приписками), будь то стихи, рассказы или заметки, немедленно печаталось, даже в тех случаях, когда сам писатель признавал невысокое художественное качество своих произведений.²⁴

²¹ См.: Измайлов А. Быль, а не легенда. — Русское слово, 1913, № 246, 25 октября, с. 2.

²² О позиции Измайлова и Брюсова в этом вопросе, а также о третейском суде по вопросу о плагиате см. комментарий И. Г. Ямпольского к незаконченному роману Помяловского «Брат и сестра»: Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч. М.—Л., «Academia», 1935, с. 336—341.

²³ См.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова, с. 77, 89, 92.

²⁴ Так, например, 16 апреля 1916 г. Брюсов признавался, что его «совершенство мучила» за посылку стихов «среднего качества»; однако стихотво-

Брюсову, с прекращением «Весов» лишившемуся своего журнала, а после 1912 г. потерявшему также прочное положение в «Русской мысли», посредничество Измайлова открывало возможность обращения к широким читательским кругам, возможность, которую он искал в самых различных издательствах и органах печати, начиная с декадентского «Сирин» и кончая демократическим издательством К. Ф. Некрасова в Ярославле.

Из сравнительно большого числа писем Брюсова к Измайлову для публикации отобраны 9, в которых освещаются творческие интересы и литературные замыслы Брюсова, даны его оценки собственных произведений, высказаны соображения о книгах и статьях критика-фельетониста. В письмах из Варшавы содержатся также отклики на события первой мировой войны, позволяющие в какой-то мере уточнить спорный и поныне вопрос о позиции Брюсова в этот период.

Письма, не включенные в настоящую публикацию, носят преимущественно чисто деловой характер: в них перечисляются стихи, посланные Измайлову, уточняются вопросы, затронутые ранее, отмечаются допущенные опечатки и т. п. Иногда встречаются краткие сообщения о стихах и рассказах, которые Брюсов намерен написать в будущем и предложить редакции «Биржевых ведомостей» (8 ноября 1915 г.). В одном из писем упоминается посланный по просьбе Измайлова для хроники перечень новых работ Брюсова (11 декабря 1916 г.), но листок с этим перечнем утерян. Нередко Брюсов выражал свою прямую заинтересованность в прочных связях с «Биржевыми ведомостями». Так, 29 августа 1915 г. он предлагал «снова быть вкладчиком» газеты, а 3 мая 1916 г. осведомлялся, как стоит вопрос о его сотрудничестве в связи с переменами в составе редакции: уходом Измайлова из «Биржевых ведомостей» и началом его деятельности в «Петроградском листке».

За исключением третьего (от 18 мая 1910 г. — машинопись с собственноручной подписью) все публикуемые письма — автографы. Отрывки из них использованы: М. И. Дикман — о стихотворении «Завет Святослава» (из письма 8) и о переводе «Ворона» (из письма 6),²⁵ В. А. Лазаревым — об «Огненном ангеле» (из письма 1),²⁶ А. А. Козловским — о стихотворении «Утром» (из письма 3) и о стихотворениях «У омута», «Казачье станье» и др. (из письма 9).²⁷

рения «Завещание», «В цыганском таборе», «В траве» и др. были напечатаны в «Биржевых ведомостях» и в «Огоньке» (см.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова, с. 113—114).

²⁵ Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л., 1961 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 823, 851.

²⁶ Лазарев В. А. Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия. Публикация архивного материала. — Учен. зап. Московск. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1962, т. СХVI, сб. III, с. 104. То же см. в статье: Лазарев В. А. Брюсов и чехословацкая литературная жизнь 20—30-х годов. Из истории чехословацко-советских литературных взаимоотношений. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 416).

²⁷ Брюсов В. Я. Собр. соч. в 7-ми т., т. II. М., 1973, 406, 436.

9 февраля 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Прочел я недавно в «Русском Слове» Ваш фельетон, где Вы хороните «Весы» и говорите несколько «добрых» слов обо мне.¹ Хочется в ответ сказать Вам свое благодарю. К тому же я всячески в долгу перед Вами. Я еще не благодарил Вас за Вашу книгу о «божках и кумирах». Читал ее с большим любопытством. Она «больше себя», т. е. больше того, что обещает. В ней также есть строки, за которые я Вам всячески признателен.² С иным, конечно, не согласен — например, с безусловным осуждением моего «Ангела».³ Сам я мой роман люблю и утешаюсь тем, что он нравится в Германии (осенью вышел немецкий перевод).⁴ Потом должен я извиниться перед Вами, что не ответил на анкету, устроенную Вами. Но очень уж я избегаю отвечать на анкеты. В сущности способны на это лишь великие мудрецы или великие остроумцы; иначе всегда выходит в лучшем случае что-то педоговоренное, в среднем — общее место, в худшем — пошлость. Все эти три возможности вовсе меня не соблазняют и я осторожно молчу. Простите такое лукавство.⁵

Ваш Валерий Брюсов.

Письмо на бланке Общества свободной эстетики.

¹ См.: Измайлов А. Литературные беседы. — Русское слово, 1910, № 28, 5 февраля, с. 2. О журнале «Весы» в связи с прекращением издания в 1909 г. Измайлов писал: «Они возникли в самый расцвет модернизма. И вот в последний, шестой год существования они были уже пережитком старины <...> Здесь помещались талантливые вещи настоящих поэтов: чудесные стихи Брюсова, александринские песни Кузмина».

² В книге Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» помещена статья «Хмель на руинах». В ней Измайлов, говоря о победе «новой школы», называет Брюсова среди имен, «которые наиболее помогли выведению нашей поэзии из узкого тупика» (с. 14), отмечает «умственную содержательность» его лирики и большое мастерство: «По виртуозности, мощи и прекрасной свежести стиха он спорит с Бальмонтом» (с. 23).

³ В статье «Лавочка активария» в книге «Помрачение божков и новые кумиры» «Огненный ангел» включен в число мертвенных подделок под старину. «Сколок с Мельмота-скитальца», с гофмановского «Элексира сатаны» (с. 91) — так отзывался о романе Измайлов.

⁴ См.: Brjussoff Valerius. Der feurige Engel. Erzählung aus dem sechszenten Jahrhundert. Hyperion-Verlag Hans von Weber. München, 1910. Перевод Рейнгольда фон Вальтера.

⁵ Газеты 1910-х годов развлекали обывателя ответами «знаменитостей» на многочисленные анкеты. В 1911 г. «Биржевые ведомости» (31 декабря) опубликовали анкету с заголовком «Самый счастливый день в жизни». Видимо, в связи с просьбою ответить на эту анкету 29 декабря 1911 г. Брюсов писал Измайлову на бланке «Русской мысли»: «Обычно я ни на какие анкеты не отвечаю — принципиально <...> Но для Вас

лично я охотно перечислю все важнейшее, чем я сейчас занят». Далее идет перечень: «1) Алтарь Победы, 2) Зеркало теней, 3) Энеида, 4) Амфитрион, 5) Статья об А. де Мюссе, 6) Статья о Блоке, 7) Баллада Реддингской тюрьмы, 8) Издание Пушкина для „Деятеля“».

2

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присланные статьи.¹ Прочел их с величайшим любопытством. Не считаю себя вправе их критиковать, так как они говорят обо мне. Скажу честно, что не вспомню я, чтобы кто-нибудь говорил обо мне — в печати — с таким дружеством. Может быть, то, что Вы проходите мимо слабых сторон моей поэзии и меня, как человека, и есть главный недостаток Ваших статей. Но я могу только сказать Вам самое сердечное благодарю.

Несколько фактических поправок Вы мне, однако, позвольте сделать:

I. В статье о моих стихах: я не получал никаких «лавров Французской Академии» (у Французской Академии действительно есть такой почетный значок: лавры). Вы, вероятно, спутали эти лавры с тем, что я был избран почетным членом «Международного общества мира» после приезда в Москву французских парламентариев. Но избран я был в это звание не как поэт, а как председатель московского Литературно-художественного кружка, который угощал парламентариев... Весь этот эпизод скорее комический, чем почетный для меня, и лучше об нем позабыть поскорее...²

II. В статье обо мне: 1) Немецкий критик усомнился не в том, что «Огненный Ангел» произведение современное, а в том, что роман написан русским. «Я не верю в русское происхождение автора романа, — пишет критик «Berliner-Lokal-Anzeiger» (9 янв. 1910), — ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца». Приблизительно то же говорил критик «Baseler Nachrichten» (28 дек. 1909). — 2) Я ушел из «Весов» не по тем причинам, какие Вы излагаете от моего лица. «Пережиточная, отсталая проповедь „Весов“ в 1910 г.» явилась следствием моего из них ухода, а не причиной. Так мне, по крайней мере, кажется. — 3) Когда «одна московская газета» предложила мне давать ей дважды в месяц фельетоны, я не «отказался без колебаний», а, напротив, *согласился*. Однако, согласившись, не сумел написать ни одного фельетона; так и не представил в газету ни строки...³

Все это, конечно, пустяки, но я был бы рад, если бы Вы могли все это исправить в отдельном издании Ваших статей, которое, Вы, конечно, предпримете.⁴

Шлю Вам и прошу принять новое издание моей пресловутой речи о Гоголе.⁵

Душевно Ваш

Валерий Брюсов.

31 марта 1910.

На бланке Общества свободной эстетики.

¹ В недатированном письме 1910 г. Измайлов писал Брюсову: «Посылаю Вам сохранившийся у меня корректурный оттиск заметок о Вас. Это было помещено (только без опечаток, возможных здесь) в январской книжке „Нового слова“». Речь идет о статье «У врат горького познания»; однако Измайлов ошибался: она была напечатана не в январской, а в майской книжке «Нового слова» за 1910 г. Из письма Брюсова видно, что он познакомился также с интервью «У Валерия Брюсова», напечатанным Измайловым в «Биржевых ведомостях» (1910, 24 и 25 марта).

² Измайлов действительно ошибся. Газета «Речь» (1910, № 63, 6 марта, с. 3) в разделе «Московская хроника» сообщила: «Этурнель де Констан известил председателя Московского литературно-художественного кружка В. Брюсова, что он избран почетным членом междупарламентской группы мира». В 1889 г. в Париже возник Межпарламентский союз — международная непартийная организация, объединяющая парламентские группы членов парламента различных стран с целью посредничества между государствами. В России такая группа была создана 3-й Государственной Думой в 1909 г. На следующий год состоялась ее встреча с французскими парламентариями. В 1909 г. в Москве и Петербурге были созданы Общества мира (см.: Речь, 1909, 7 октября и 18 декабря).

³ Излагая свою беседу с Брюсовым, Измайлов приводил слова поэта: «Еще год назад я ушел из „Весов“ именно потому, что почувствовал, каким пережиточным отсталым явлением стала теперь их проповедь». И далее: «Был случай, меня довольно настойчиво просили давать фельетоны в одну газету, здесь в Москве, — я отказался без колебаний». Подметив некоторые подлинные черты личности Брюсова (большую эрудицию поэта, богатство его рабочей библиотеки), Измайлов приписал ему некое «отшельничество», обособленность от литературной суеты, неспособность к срочной газетной работе. Все это совсем не соответствует облику Брюсова-журналиста, активного участника литературных битв вокруг и внутри символизма. В спешке и в погоне за «красным словом» Измайлов нередко допускал фактические ошибки, вроде тех, на которые весьма вежливо и тактично указал ему в этом письме Брюсов. Например, в рецензии на «Алтарь Победы» Измайлов везде называет героя романа «Юний Пизон», тогда как его имя — Юний Норбан (Новое слово, 1912, № 1, с. 117).

⁴ Перепечатывая свои статьи о Брюсове в сборнике «Литературный Олимп», Измайлов действительно исправил все перечисленные Брюсовым ошибки. За указание на них он благодарил Брюсова в письме от 12 мая 1910 г.

⁵ В юбилейные дни 1909 г. Брюсов выступил с докладом о Гоголе в торжественном заседании Общества любителей российской словесности. В этом докладе, вскоре изданном под заглавием «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (Весы, 1909, № 4, с. 98—120; отд. изд.: М., «Скорпион», 1909; изд. 2-е. М., «Скорпион», 1910), Брюсов подчеркнул гиперболизм и фантастику произведений Гоголя и по существу вывел его творчество за пределы реализма. Речь о Гоголе вызвала целую бурю откликов в прессе и множество обвинений в адрес Брюсова (см.: Да-

ниелян Э. С. Библиография Валерия Брюсова, с. 272). Был даже поставлен вопрос об исключении Брюсова из Общества любителей российской словесности. В воспоминаниях современников неоднократно говорилось о большом впечатлении, произведенном этим выступлением Брюсова (см.: Шервинский С. В. Ранние встречи с Валерием Брюсовым. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 494; Шагинян М. С. Человек и время. — Новый мир, 1973, № 5, с. 170—172; Розанов И. Н. Встречи с Брюсовым. — В кн.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 767—768). Измайлову было послано второе издание речи о Гоголе (1910 г.).

3

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас и Иеронима Иеронимовича за постоянную память обо мне¹ и за присылку №№ «Нового Слова». В журнале действительно, несмотря на горестную его внешность, очень много интересного и живого.² Многое было для меня ново, так что я давно уже разрезал все №№. Это, кажется, лучшая похвала.

Очень охотно был бы Вашему журналу полезен; но не знаю, насколько мне это доступно. Я писатель не для больших кругов, и как-то всегда так случается, что во всем, что я ни напишу, есть подробности, для «большой» публики неприемлемые. Должно быть, это во мне нечто «органическое». Я уже перестал с этим и бороться.

Пока посылаю Вам одно стихотворение, которое с большим трудом выбрал из числа лежащих у меня в «портфеле».³ Так как теперь занят я писанием маленьких рассказов, то, может быть, и из них выберу один для Вас.⁴ Но, конечно, будет это не раньше осени, так как на очереди две книги, которые должен я приготовить к сентябрю.⁵

Еще раз спасибо за Ваши статьи обо мне.

Дружески Ваш

Валерий Брюсов.

18 мая 1910.

¹ Знакомство Брюсова с И. И. Ясинским (1850—1931) относится к 1898 г. Начиная с 1901 г. Брюсов печатался в журнале «Ежемесячные сочинения», издававшемся Ясинским, которому принадлежит одна из первых сочувственных статей о творчестве Брюсова — «Новый поэт. В. Брюсов. Книга новых стихов 1897—1900» (Ежемесячные сочинения, 1901, № 1, с. 35—41). «Новое слово» (Пб., 1908—1914) выходило под редакцией Ясинского. Подробнее см.: Ясинская З. И. В. Брюсов и И. Ясинский. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 426—437.

² Брюсов всегда придавал очень большое значение внешнему оформлению книги. 6 ноября 1902 г. он, например, писал П. П. Перцову: «Мне сегодня во сне привиделись первые корректурные листы „Нового Пути“:

будто Вы в каждом отделе ввели особую нумерацию страниц... Ах, этого не делайте!.. Одна просьба к Вам: все подписи и под статьями, и под стихами велите набирать одинаковым, не крупным, не жирным, прямым шрифтом <...> Не надо никаких типографских украшений и заставок, общих разным изданиям» (Знамя, 1940, № 5, с. 251). В оформлении редактируемого Брюсовым журнала «Весы» участвовали известные художники: Л. Бакст, Н. Рерих, Н. Феофилактов, М. Шестеркин. Естественно, что внешний облик «Нового слова» неприятно поразил Брюсова: журнал печатался на плохой, желтоватой бумаге, украшался полустертыми, шаблонными типографскими виньетками. Внешность журнала соответствовала его содержанию: в нем преобладали плохие переводы иностранных романов. Интересными для Брюсова могли быть регулярный библиографический раздел «Новые книги», заметки «Новое о старом», а также часто появлявшиеся в «Новом слове» стихи Ф. Сологуба, А. Блока, З. Гиппиус.

³ Имеется в виду стихотворение «Утром» («Стонет старая шарманка...») (Новое слово, 1910, № 7, с. 3).

⁴ Небольшой рассказ Брюсова «За себя или за другую» был опубликован в газете «Речь» (1910, № 354, 25 декабря, с. 2—5). В «Биржевых ведомостях» рассказы Брюсова в 1910—1911 гг. не появлялись.

⁵ Брюсов был занят подготовкой второго издания своей книги «Земная ось» (М., «Скорпион», 1910) и «Собрания стихов» П. Верлена (М., «Скорпион», 1911) в своем переводе.

4

12 марта 1911.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присылку «Олимпа»,¹ а больше того за все, сказанное в книге обо мне. Сознаю Вас, что редко кто, из писавших обо мне, доставлял мне столько *удовольствия*, как Вы этими двумя своими статьями. Я не думаю, чтобы они *вернее*, чем разные другие, изображали меня и мою поэзию. Подозреваю даже, что это вовсе *не я*, но это весьма близко к тому, чем мне *хотелось бы быть*.

Можно ли докучать Вам делами «Нового слова»? Я получил лишь 6 первых №№ за 1910 г. Не получил и № со своими стихами и не знаю даже с точностью, были ли они напечатаны.² Если да, нельзя ли прислать мне этот № (а также гонорар за стихи)? Весьма обязали бы меня, если бы похлопотали обо всем этом. Но если Вам это затруднительно, сообщите, я обращусь прямо в контору издания.

Готов, если бы Вас, или, вернее, редакцию, это интересовало, прислать еще стихотворение: на этот раз есть «в запасе» более значительные.

Кланяйтесь от меня маститому Иерониму Иеронимовичу, которого, конечно, встречаете: всегда вспоминаю об нем с ка-

ким-то «сладким умилением»: сношения с ним — из лучших воспоминаний моей юности.

Ваш душевно
Валерий Брюсов.

Мой личный адрес:
Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32.

На бланке «Русской мысли». Адрес Брюсова — отгиск со штампа.

¹ В книге «Литературный Олимп» (М., 1911) Измайлов высоко оценил поэзию Брюсова, назвав его «выразителем современной интеллигентной души» (с. 375). Полемизируя с критикой тех лет, упрекавшей Брюсова в чрезмерном рационализме, Измайлов отстаивал своеобразие его художественной индивидуальности, его право быть «поэтом думы, а не чувства» (там же). С восхищением писал Измайлов также об историческом колорите многих стихотворений Брюсова: «Можно дать голову на отсечение, что он когда-то был римлянином и ходил по форуму» (с. 379). На подаренном Брюсову экземпляре «Литературного Олимпа» надпись: «Искренне уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память от одного из большинства почитателей его таланта. СПб., 11 февраля 1911» (ГБЛ, библиотека Брюсова).

² См. примеч. 3 к предыдущему письму.

5

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за добрые слова о моем Верлене. С замечаниями Вашими вполне согласен.¹ Но ведь такое дело и немислимо исполнить без тех или иных недочетов. *Feci quod potui...*²

Сейчас я весь предался Риму, именно IV веку, с времен Константина Великого до времен Феодосия Великого. Мой «Авсоний»³ только одна из длинного ряда задуманных статей. Ближайшая будет называться «Рим и мир» и будет говорить о *международных* отношениях империи (с Персией, Индией, Китаем и т. д.).⁴ В то же время пишу *роман* из той же эпохи (времена императора Грациана) — «Алтарь Победы». Печататься он будет, вероятно, в «Русской Мысли» с января 1912 г.⁵ А попутно написал маленькую лирическую трагедию «Лаодамия», на сюжет, использованный многими (в новое время — Выспяньским, Сологубом, Анненским)⁶...

Сообщаю все это потому, что Вы предлагали мне сообщать Вам время от времени о своих работах.

А «Новое слово» так и не вспомнило о моем существовании. Я уже не хлопочу о гонораре, хоть бы № прислали с моими сти-

хами! Но Вас не хочу более утруждать этими хлопотами: напишу сам при случае в редакцию.

Желаю Вам счастливого лета и доброго расположения для работы.

Ваш Валерий Брюсов.

1 Мещанская, 32
2 мая 1911.

На бланке издательства «Скорпион».

¹ В рецензии на собрание стихов П. Верлена в переводах Брюсова Измайлов отмечал полноту, с которой подобраны произведения французского поэта, и порой поразительную близость переводов к оригиналу. Вместе с тем Измайлов указывал, что Брюсову лучше удаются «стихи страсти, экстазов чувства и стихи спокойных размышлений» и что «в пьесах глубокого уныния, беспредельной тоски он дальше от Верлена, чем Сологуб» (Русское слово, 1911, № 98, 30 апреля, с. 2).

² Брюсов привел часть известного латинского изречения: «Feci quod potui, faciant meliora potentes» — «Я сделал все, что мог, пусть кто может сделает лучше».

³ Очерк Брюсова «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония» опубликован в «Русской мысли» (1911, № 3, отд. II, с. 1—48; отд. оттиск: М., 1911, 56 с.).

⁴ В рецензии на очерк «Великий ритор» А. И. Маленин писал: «Можно только приветствовать намерение автора издать книгу „Золотой Рим. Очерки жизни и литературы IV века по Р. Х.“» (Гермес, 1911, № 9, с. 230). Но ни эта книга, ни очерк «Рим и мир» в печать не появились. Частично Брюсов реализовал свой замысел значительно позже: в 1917—1918 гг. им был прочитан лекционный курс «Рим и мир. (Падение римской империи)» в Народном университете им. А. И. Шанявского. Подробнее см.: Гаспаров М. Л. Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 189—208.

⁵ «Алтарь Победы. Повесть IV века» печаталась в «Русской мысли» (1911, № 9, 11, 12; 1912, № 1—4). «„Алтарь Победы“ — дань классическим увлечениям, отзвук любви к старым книгам латинских риторов времен Авсония и преклонения перед красотой старого Рима», — писал Измайлов. Но, отдавая должное знанию эпохи и любви к ней, критик считал «Алтарь Победы» художественной компиляцией, подобной исторической трилогии Мережковского (Новое слово, 1912, № 1, с. 116—118; № 2, с. 113—116).

⁶ Пьеса появилась под названием «Протесилай умерший. Трагедия в пяти сценах с хором» (Русская мысль, 1913, № 9, с. 1—31). В ее основе — сюжет античного мифа о любви и смерти, о жене, не пережившей свидания с мертвым мужем. Миф был некогда обработан Еврипидом в трагедии «Протесилай», не дошедшей до нас. Польский драматург-классик Ст. Выспянский использовал тот же сюжет в драме «Протесилай и Лаодамия», не переведенной в России. В драматургии русского символизма, в связи с тем что антитеза «любовь и смерть» была одной из самых излюбленных тем декадентской и символистской лирики, образы Протесилая и Лаодамии ожили в новом освещении. Драма И. Анненского «Лаодамия» относится к 1906 г., пьеса Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» — к 1907 г. К мифу о судьбе Лаодамии Брюсов обращался в своей лирике — еще в 1906 г. им было написано стихотворение «Плач Лаодамии», где уже намечалась канва сюжета. Трагедия Брюсова существенно отличается от произведений его предшественников. Современный исследо-

ватель пишет: «Трактовка мифа о Лаодамии Брюсовым на грани реализма <...> Больше чем кому-либо другому из символистов удалось Брюсову в „Протесилае умершем“ приблизиться к тому пониманию рока, который был характерен для античности» (Дукор И. Проблемы драматургии символизма. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 132, 185). Следует добавить, что Брюсов тщательно воспроизвел и форму античной трагедии.

6

27 апреля (10 мая) 1915.

Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Очень благодарю Вас за скорый ответ на мое письмо и за хлопоты о высылке гонорара мне, каковой (67 р. 50 к.) мною получен. Я не успел переписать «Ворона» сегодня, к часу отхода поезда, и потому Вы получите рукопись завтра. Переводом этим я очень горд: трудности были неимоверные, и я сам себе аплодировал, преодолевая их. Уверен, что по крайней мере в течение столетия, пока русский язык не видоизменится, никто не сумеет передать «Ворона» *ближе к подлиннику*, чем то сделал я.¹ Впрочем, будете судить сами, и, надеюсь, согласитесь со мной, хотя я, конечно, и предубедил Вас *против* своего перевода своим неумеренным самохвалением...

Стихи, о которых я Вам писал раньше, я не решился послать. Пересмотрел их, и стихи «военные» оказались мне неудачными, а другие — слишком сложными для газеты. Вместо них вышлю что-либо другое.

Что касается самого важного из Ваших вопросов, то пока я не могу Вам дать решительного ответа.² Я еще не осведомлен вполне о предположениях «Русских» Ведомостей». Вчера получил только телеграмму из редакциии, от А. А. Мануйлова, который просит меня *дождаться его письма*. Только из этого письма я узнаю положение дел, о котором пока могу лишь догадываться. Если бы обстоятельства сложились так, что я прекратил бы свою корреспондентскую деятельность в «Русских» Ведомостях», я был бы очень рад возобновить и продолжить ее в «Биржзевых» Ведомостях». «Начав войну», мне хотелось бы довести ее до конца, и было бы досадно бросить дело на половине, видеть первые акты великой трагедии, а потом уйти из театра и быть вынужденным довольствоваться чужими рецензиями.³

Итак, рассуждая *принципиально*, я Вас очень благодарю за предложение и не считаю его неприемлемым. Но ответить на него пока не могу. Кроме того, мне во всяком случае надо побывать в скором времени в Москве, куда я выезжаю около 5—6 мая.⁴ Если наши переговоры завяжутся, я приеду лично в Петроград, где мы и обсудим «условия», зависящие очень от того, что с меня

спросят и каким фронтом мне предложат заняться. Как вы знаете, я не «алчен» относительно гонорара, но жизнь на театре войны и особенно разъезды стоят весьма дорого, — каждая большая поездка (как, например, из Варшавы в Перемышль) сотни рублей.

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

¹ В письме от 16 (29) апреля 1915 г. из Варшавы Брюсов сообщал Измайлову: «Посылаю еще три стихотворения. На днях вторично перевел „Ворона“ Эдгара По. „Русская мысль“ решила не печатать переводы, уже существующие на русском языке». Первый перевод «Ворона» был сделан Брюсовым еще в 1905 г. (Вопросы жизни, 1905, № 1, с. 187—190). Эдгар По — один из любимых писателей Брюсова, его влияние очень заметно в сборнике «Земная ось». В предисловии к первому изданию этого сборника (М., 1907) Брюсов сам признавался в этом: «Я сознаю, что в таких рассказах, как „Республика Южного креста“ или „Теперь, когда я проснулся“, слишком сильно сказывается влияние Эдгара По». Именно теперь я занимаюсь творчеством Эдгара По и собрал об нем довольно много материалов, которые для русских читателей окажутся совершенно свежими, — писал Брюсов Ф. Д. Батюшкову 27 февраля 1914 г. — Вообще мне было бы приятно параллельно со сборником моих переводов поэм Эдгара По (который я сейчас готовлю), написать об нем очерк для вашей „Истории“ (ИРЛИ, № 15027, л. 1). Очерк Брюсова «Эдгар По» появился в 3-м томе «Истории западной литературы», издаваемой под редакцией Ф. Д. Батюшкова (М., «Мир», 1914, с. 328—344). Однако «Полное собрание поэм и стихотворений» Э. По в своих переводах Брюсову удалось издать значительно позже (М.—Л., ГИЗ, 1924). В 1910-х годах заметно изменились взгляды Брюсова на проблему художественного перевода: для классических образцов мировой литературы он теперь требовал прежде всего точности (см.: Гаспаров М. Л. Путь к перепутью. Брюсов-переводчик. — В кн.: Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М., 1977, с. 5—15). Этим объясняются вторичное обращение Брюсова к «Ворону» и его гордость близостью к подлиннику. Брюсовские переводы Эдгара По, и в частности «Ворона», действительно жили очень долго, хотя и не «в течение столетия», но примерно полвека, пока в конце 1950-х годов советская школа перевода не одержала здесь новых побед.

² 20 апреля 1915 г. Измайлов предложил Брюсову в случае сокращения штатов «Русских ведомостей» стать военным корреспондентом «Биржевых ведомостей», где «высоко оценены его статьи о войне». Сочувственный отзыв о военных очерках Брюсова принадлежал самому Измайлову. Говоря о поразительном падении уровня военной беллетристики, когда «доселе талантливые писатели стали вдруг посредственными, а посредственные ничтожными», Измайлов выделил из их числа Вас. Немировича-Данченко, А. Н. Толстого и Брюсова (Биржевые ведомости, 1915, № 14674, 16 февраля, с. 2). Но вскоре Брюсов получил письмо от редактора «Русских ведомостей», видного деятеля партии кадетов А. А. Мануйлова, и 29 апреля (12 мая) попросил Измайлова считать предварительные переговоры о возможности участия в «Биржевых ведомостях» в качестве военного корреспондента «не имеющими продолжения».

³ Использование метафоры «театр войны» очень характерно для восприятия Брюсовым событий 1914—1917 гг. С ней перекликается эпитафия из Тютчева «высоких зрелищ зритель», который предшествовал циклу военных стихов «Желтый» в брюсовском сборнике «Семь цветов радуги» (М., 1916).

⁴ Отъезд Брюсова из Варшавы в Москву состоялся позднее. 9 мая 1915 г. он писал Измайлову еще из Варшавы: «Дня через три-четыре уезжаю в Москву».

7

14 июля 1915.
Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Что мое письмо о Т. Краснопольской не было напечатано, я *очень* рад, и не только потому, что у меня был назван И. И. Ясинский вместо Лескова. Написал я свое письмо в первую минуту «негодования» и потом охотно взял бы его назад. Ну, а все же поведение Татьяны более чем сомнительно!¹

Верхарн прислал мне из Бельгии две поэмы с просьбой — напечатать их (в переводе, конечно). Я должен хотя бы попытаться исполнить просьбу maître'a. Поэтому посылаю Вам перевод «Героев Льежа».² Прилагаю и оригинал, дабы Вы могли судить, в чем виноват я, а в чем — увы — сам Верхарн. Поступите, как считаете справедливым.

К большому моему огорчению, стихи у меня «не пишутся». Я много переводил, между прочим с армянского языка, который изучаю, но Вам это вряд ли интересно. Посылаю одну балладу,³ весьма умеренное достоинство которой прекрасно сознаю. Если удастся что-либо написать или доделать из написанного раньше, — обещаю выслать немедленно Вам для «Биржевых Ведомостей».

Еще раз спасибо за напечатание всех посланных стихотворений, среди которых тоже были «умеренные» по достоинствам.⁴

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

Vēnus — Venēris, следовательно Венера, а не Венэра, «Сын Венеры», а не «Венэры сын», так?⁵

¹ 27 июня 1915 г. Брюсов написал возмущенное письмо редактору журнала «Огонек» (приложение к «Биржевым ведомостям») в связи с публикацией в нем (№ 26) рассказа Т. Краснопольской «Рыцари», представлявшего собой явный плагиат. Брюсов ошибочно считал, что она воспользовалась рассказом И. И. Ясинского. В тот же день Брюсов послал свой протест и сопроводительное письмо Измайлову. Вскоре Измайлов известил Брюсова, что передал его письмо редактору «Огонька», который, однако, решил, что оно запоздало и потому помещать его не стоит. Здесь же Измайлов исправил ошибку Брюсова, сообщив ему, что в основе рассказа Краснопольской было произведение Н. С. Лескова «Интересные мужчины» (письмо без даты).

² Поэма Э. Верхарна «Герои Льежа» в переводе Брюсова появилась в «Биржевых ведомостях» (1915, № 14973, 19 июля, с. 2). Вторая поэма,

присланная Верхарном Брюсову, — очевидно, «Генерал Леман» (Русские ведомости, 1916, № 269, 20 ноября, с. 3). Верхарн — один из любимейших и творчески наиболее близких Брюсову поэтов. «Данте современности» — так называлась статья Брюсова, написанная по случаю приезда Верхарна в Россию (Литературное приложение к газете «День», 1913, № 319, 25 ноября, с. 2—3). Переводами произведений Верхарна Брюсов занимался начиная с 1895 г. и буквально «открыл» его для русского читателя. «Брюсовский Верхарн остался образцовым, его переводом занимались многие мастера и при жизни Брюсова и после его смерти, здесь было много удач и неудач, но интонация, стиль, строй всюду оставались те, которые были заданы Брюсовым» (Гаспаров М. Л. Путь к перепутью. — В кн.: Торжественный привет. М., 1977, с. 8—9). С 1906 г. Брюсов состоял в переписке с Верхарном и был одним из организаторов его приезда в Россию в 1913 г. Подробнее о личных и литературных взаимоотношениях Брюсова с Верхарном см.: Дронов В. С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 216—231; переписка Брюсова с Э. Верхарном опубликована Т. Г. Динесман в «Литературном наследстве» (т. 85, с. 546—621). Письмо Верхарна, о котором сообщал Брюсов Измайлову, в этой публикации отсутствует.

³ Речь идет о «Балладе воспоминаний» («На склоне лет, когда в огне...») (Биржевые ведомости, 1915, № 15001, 2 августа, с. 2).

⁴ В июне-июле 1915 г. в «Биржевых ведомостях» были напечатаны следующие стихотворения Брюсова: «Песня» («Белы воды на побережье моря...») — № 14889, 7 июня, с. 2; «Газелла. Подражание персидскому» («В ту ночь нам птицы пели...») — № 14903, 14 июня, с. 2; «Ultima Thule» («Где океан, век за веком стучась о граниты...») — № 14917, 21 июня, с. 2; «Умиравший день» («Минувший день, склоняясь готовой...») — № 14931, 28 июня, с. 2; «Что это? Пенье, славенье...» — № 14959, 12 июля, с. 2.

⁵ Последняя строфа «Баллады воспоминаний» начиналась следующими строками:

Сын Вёнеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты.

Постановка ударения приобретала здесь большое значение, определяя ритм и поэтическую интонацию всей строфы.

8

1 августа 1915.
Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

По разным причинам письмо к Вам у меня залежалось. Прибавлю к нему еще два стихотворения. Сначала я не хотел их печатать. Во-первых, потому, что оба они не вполне хороши: в «Заложнице» — много реторики, в «Завете Святослава» — не удалось (чего я хотел) передать манеру *старых* поэтов, пушкинской эпохи, получилась какая-то двойственность, старое смешано с новым и кажется просто несовершенным... Во-вторых, потому, что я не надеюсь, чтобы эти стихи *могли* быть напечатаны в наши дни: очень вероятно, что обстоятельства «независящие» закроют этим стихам путь в печать. Но в конце концов я рассудил то и

другое предоставить суждению Вашему и редакции. Если найдете стихи приемлемыми, — возьмите их; если сможете напечатать, — напечатайте.¹

Преданный Вам

Валерий Брюсов.

Р. С. Сирена — герб Варшавы.²

¹ Оба стихотворения были напечатаны в «Биржевых ведомостях»: «Заложница» — 1915, № 15009, 6 августа, с. 3; «Завет Святослава» — № 15015, 9 августа, с. 2.

² Герб Варшавы — сирена с поднятым мечом — упоминается в стихотворении «Заложница»: «И вот — в руках врагов заложница, Сирена польская, и ты!». 23 июля 1915 г. в Варшаву вошли немецкие войска. Позднее к стихотворению «Заложница» были добавлены еще две строфы, а заглавие заменено новым — «Чаша испытаний».

9

13 сентября 1915.

Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас очень за заботы о высылке мне гонорара, который мною получен (об чем я немедленно же известил Контору «Биржевых Ведомостей»). В ответ на Ваше предложение высылаю Вам кое-какие свои стихи — что мог сейчас собрать. Говоря откровенно (я себя всегда критикую строго), стоит внимания лишь одно стихотворение, первое, — «Над омутом»; не вовсе плохо «В траве», — и это все. Военное, «Казачье становье», посылаю потому, что об таких Вы просили особенно¹ (я его было прочил в какой-то сборник Городецкого, но как-то «не собрался» отослать).² «Баллада» совсем не хороша.³ Переводы, конечно, имеют интерес только литературный, не художественный.⁴ Опять повторяю, что все эти стихи предоставляю на Ваше «усмотрение». Возьмите, что сочтете пригодным для газеты, остальное спокойно бросьте (возвращать нет надобности: все копии у меня есть). Рассказ непременно постараюсь доставить Вам и именно «военный». Ох, трудно это, — дабы не уподобиться авторам из «Лукоморья!»⁵

Дружески Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Стихи Брюсова «Над омутом» («Ветер, сумрачно пророчащий...») напечатаны в «Биржевых ведомостях» (1915, № 15099, 20 сентября, с. 2), «В траве» («Красная и синяя...») — в «Огоньке» (1916, № 15, 10 апреля, с. 16; в дальнейшем под названием «Две головки»), «На театре войны» («Отбрасывая версты, стучит автомобиль...») — в «Биржевых ведомостях»

(1915, № 15113, 27 сентября, с. 2; в дальнейшем под названием «Казачье становье»).

² Поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) был в 1915 г. участником литературных сборников «Перун» (Пг., 1915) и «Лукоморье» (Пг., 1915). Брюсов, видимо, хотел послать свое стихотворение в первый сборник.

³ Вероятно, речь идет о «Балладе воспоминаний», опубликованной в «Биржевых ведомостях» (2 августа).

⁴ Имеются в виду переводы двух армянских народных песен («Пой-мала звездочка в небе..», «Сшейте платице для милой..») и двух стихотворений А. Исаакяна («Сорванную розу ветке не вернуть..», «Безвестна, безыменна, позабыта..») (Огонек, 1915, № 40, 4 октября, с. 11).

⁵ «Лукоморье» (Пг., 1914—1917) — журнал, основанный М. А. Сувориным и отличавшийся крайне шовинистическим направлением. Сотрудники его «проповедовали милитаристские идеи, классовое единение, предрекали скорую гибель Германии как „божью кару“ <..> радовались, что с войной якобы исчезло в искусстве „социально-политическое направление“» (Вильчинский В. Литература 1914—1917 годов. — В кн.: Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972, с. 238). Сотрудниками «Лукоморья» были Г. Иванов, М. Кузмин, С. Ауслендер и др.